

RECENZIJOS

Ambrasas V. Lietuvių kalbos dalyvių istorinė sintaksė. — V., 1979. — 254 p.

Как известно, методика сравнительно-исторических исследований, наиболее детально разработанная представителями младограмматической школы и дополненная в более позднее время методом внутренней реконструкции, достигла значительных успехов в области фонетики, морфологии и словообразования. Что же касается синтаксиса, то это традиционно отстающая область сравнительно-исторического изучения индоевропейских, в том числе и балтийских языков. Первостепенная важность изучения этой области безоговорочно признается всеми лингвистами. Однако требования обратиться к сравнительно-историческому изучению синтаксиса очень часто остаются декларативными. В. Амбразас — один из немногих индоевропейцев и первый, насколько мне известно, из литуанцев — взялся за столь фундаментальное исследование сравнительно-исторического синтаксиса.

Исторический синтаксис именно причастий литовского языка крайне важен в силу особого места, которое занимают причастия в структуре предложения. Объединение признаков имени и глагола, обычно связанных с главными членами предложения, определяет ключевые позиции причастия в изучении исторического генезиса самых различных типов предложения. А это говорит о перспективности избранного автором научного направления, ибо исторический синтаксис причастий может послу-

жить отправным пунктом для всестороннего фундаментального исследования всех аспектов исторического синтаксиса литовского языка.

В. Амбразас приступил к работе над своей книгой, будучи уже широко известным специалистом по синтаксису литовского языка. Его научные публикации в этой области еще до выхода в свет рецензируемой книги составили более 55 (!) печатных листов. В числе этих публикаций — большие разделы во 2-м и 3-м томах академической „Грамматики литовского языка“, удостоенной Республиканской премии за 1977 г.

Поражает объем работы, проделанной автором книги. В. Амбразас подверг сплошной выборке все доступные ему памятники XVI—XVII вв., сопоставив переводы с латинскими, польскими и немецкими оригиналами. 30 тыс. единиц использованных примеров — в высшей степени внушительная цифра, особенно если учесть, что каждая единица — это не фонема, не морфема и не отдельное слово, а словосочетание или целое предложение.

Учитывая, что в журнале „Baltistica“ /1980, № 16(2)/ уже была опубликована обстоятельная рецензия А. Паулаускене на книгу В. Амбразаса, я остановлюсь, главным образом, на вопросах, которые связывают исторический синтаксис литовских причастий с соответствующими разделами славянского и индоевропейского исторического языкознания, а также на вопросах методики исследования.

В книге убедительно вскрывается глубоко архаический характер синтаксиса ли-

товских причастий, что выводит исследование автора за рамки собственно балтийского языкознания, превращая его в работу, очень важную для индоевропеистики. В связи с этим крайне желательной представляется публикация на русском языке как минимум тех разделов книги, в которых проводится сопоставление балтийских синтаксических конструкций с конструкциями родственных индоевропейских, в первую очередь — славянских языков. В этой области работает много ученых, но лишь немногие могут прочесть книгу, написанную по-литовски.

Центральное место в книге занимает раздел, посвященный анализу полупредикативного употребления причастий (с. 67—169), ибо именно в полупредикативной функции причастий наиболее последовательно проявляется их двойственная сущность (глагол : имя). В этом разделе интересным является исследование происхождения форманта „полупричастия“ *-dama-*. Связь его с суффиксом *-to-* отмечалась и ранее, но в книге предлагается интересная гипотеза, вскрывающая конкретный „механизм“ возможного возникновения нового форманта в результате своего рода переразложения. Яркий пример подобной возможности: *waitodams irgi skaudamas* (с. 70). Очень важным представляется также вывод автора об относительной хронологии возникновения этого форманта, с одной стороны, и утраты суффиксом *-to-* залоговой нейтральности, — с другой. Анализ оборотов дательного падежа с причастием в литовском языке помогает в решении ряда сложных вопросов, касающихся происхождения, развития и функционирования аналогичных конструкций в германских и славянских языках (см. с. 135 сл.). В целом, в вопросе о древнейших функциях причастий В. Амбразас примыкает к А. А. Поттебне, который считал полупредикативное употребление самой древней функцией причастия — функцией второстепенного сказуемого (с. 223, 228 и др.). В пользу этой

точки зрения автор приводит новый интересный материал, подкрепляя ее новыми аргументами, основанными на интерпретации этого материала.

Автор книги нередко в процессе своего исследования выходит за рамки не только балтийских, но и индоевропейских языков, прибегая к методу типологического сопоставления. Здесь, в частности, можно отметить сопоставление ряда синтаксических закономерностей балто-финно-угорского и балканского ареалов, а также тенденцию к совпадению глагольных форм 3-го лица с отглагольными именами, помимо индоевропейского, также в уральских, семито-хамитских и других языках (с. 187—188). Важный вывод В. Амбразаса о том, что причастные конструкции литовского языка ближе всего к соответствующим славянским конструкциям, хорошо „вписывается“ в известные факты лексической, фонетической и морфологической близости балтийских и славянских языков (см., напр., работы В. Георгиева, Е. Куриловича, В. Мажюлиса и др.).

Нисколько не сомневаясь в том, что рецензируемая книга В. Амбразаса представляет собой весомый вклад в лингвистическую науку, я хотел бы остановиться на некоторых частных вопросах, которые не всегда кажутся мне убедительными.

Говоря о залоговой индифферентности (или нейтральности по принятой в книге терминологии) причастий настоящего времени действительного залога, В. Амбразас приводит примеры: 1) *Parneš man vandenio mirštančio ir gydančio* и 2) *Davė jam nematančią kepurę* (с. 30). Автор утверждает, что подчеркнутые причастия имеют пассивное значение, обосновывая их пассивную сущность методом, типичным для трансформационной грамматики. Преобразуя предложение или давая близкую аналогию, он доказывает, что по своему значению приведенные *-nt-* причастия идентичны пассивным *-to-* причастиям. Однако пример *yra nematomas su kepure* ничего не

доказывает, ибо причастие здесь относится не к *kepure*, а к подлежащему. Причастие же в сочетании *nematančią kepurę* — это не пассив, а скорее актив, близкий по своему значению к каузативу, т.е. — речь идет не о шапке, которая никем не видима, а о шапке, делающей кого-то невидимым, что-нибудь вроде *kepurė daranti (žmogų) nematomu*. Того же типа — и случай с *gydantis vanduo* ‘исцеляющая (а не исцеляемая!) вода’. Ссылка на *gydomas šaltinis* неубедительна, тем более, что и сам автор неоднократно говорит о залоговой нейтральности *-to-* причастий, о том, что как пассивные причастия они формируются поздно и только в некоторых диалектах литовского языка. В случае же с *gydomas šaltinis* ‘исцеляющий источник’ трудно согласиться с В. Амбразасом, что *gydomas* — страдательное причастие. Интересно отметить, что и сам автор соотносит его в другом месте с активными причастиями, сравнивая те же самые причастия *gydomas* и *gydantis (vanduo)*, но уже с прямо противоположным выводом об активной сущности обоих причастий (с. 47). В случае с *mirštantis vanduo* причастие вообще образовано от непереходного глагола, и ни по форме, ни по значению оно не может восприниматься как пассивное. Вообще закономерность сопоставления *-nt-* причастий с *-to-* причастиями для доказательства пассивного значения первых вызывает сомнения, ибо здесь сопоставляется значение одних причастий с формой других.

Говоря о залоге, нужно постоянно иметь в виду сравнительно позднее появление четких залоговых противопоставлений у причастий (гесп. отглагольных прилагательных). Нейтральность к залогу у этих образований проявляется не только в том, что активные причастия выступали в пассивном (с нашей сегодняшней точки зрения) значении и наоборот, а в том, что они могли быть вообще лишены тех залоговых значений, к которым мы так привыкли. Прекрасный пример такого рода можно найти в книге В. Амбра-

заса: *kiaulių estas viedras* — это не ‘ведро, съевшее свиней’ (актив) и не ‘ведро, съеденное свиньями’ (пассив). Между тем, как мы видели выше, автор имеет определенную склонность рассматривать историю литовских причастий под углом зрения современной нам залоговой дихотомии.

Второе мое возражение касается убеждения автора в том, что синтаксическая конструкция с независимым дательным падежом возникла из зависимой конструкции: *juokiasi broliui sergančiam (serganti)* ‘смеется над больным братом’ → ‘смеется, когда брат болеет’ (с. 168). Здесь опять перед нами — методический прием, близкий к методике трансформационной грамматики — со стремлением объяснить аномальное и непонятное явление как результат преобразования более понятной, но — увы! — не столь архаичной конструкции. В приведенном примере на месте глагола *juokiasi* может стоять практически любой глагол, не управляющий дательным падежом (ср. также аналогичные конструкции в других индоевропейских языках). Эти глаголы управляют разными падежами. Вот почему предположение о былой зависимости конструкции с дательным самостоятельным от глагола мне представляется маловероятным. *Mutatis mutandis* тоже относится к конструкции типа *sako brolių grįžusį*. Говоря о другой синтаксической конструкции, В. Амбразас пишет: „Считать несогласованные конструкции балтийских языков более новыми, возникшими из согласованных, нет основания“ (с. 201). Конструкции с союзными словами автор также признает предшествующими глагольным придаточным предложениям. Думается, что и отражающие глубокую архаику конструкции приведенного выше типа можно считать результатом преобразования понятных нам зависимых конструкций только с точки зрения так называемого синхронного анализа.

В заключение — несколько мелких замечаний.

С. 55. Латин. *mortuus* не может быть возведено к **mortus* (как и слав. *мрътевь*). По-видимому, перед нами — контаминированная форма с суффиксальными *-t-* и *-v-* (в целом ряде индоевропейских языков для этого слова засвидетельствованы основы **mor-t-* и **mor-v-*).

С. 114. Греч. *μεθίημι* не содержит корня **met-* (лит. *mesti*), а состоит из приставки *μεθ* (α)- и глагола *ίημι* 'бросать'.

С. 183—185. Гипотетически реконструируя для глагольного корня **es-* значение 'жить', автор затем переносит это предполагаемое значение на корень **bhū-* и (исторически) интерпретирует предложения типа *tėvas buvo linksmas* как когда-то означавшие примерно '*tėvas gyveno linksmas*'. Между тем, корень **bhū-* семантически реконструируется как 'расти' → 'становиться' → 'быть' (ср. с. 183), и едва ли правомерно даже при самых глубоких реконструкциях приписывать ему значение глагольного корня **es-*.

С. 201. Перевод греч. οὐκ ἀγαθὸν πολυχοιρανίη как '*negėra viešpatavimas daugeliui*' дает смысл, расходящийся с гомеровским.

В обширном и тщательно составленном списке литературы, быть может, следовало бы поместить старые, но не потерявшие своего значения фундаментальные работы А. Лескина и Г. К. Ульянова, в которых детально рассматривается целый ряд вопросов словообразования и функционирования причастий.

Совершенно очевидно, что сделанные мною замечания не затрагивают основных положений и выводов автора или же носят дискуссионный характер. В целом книга В. Амбразаса — несомненный успех автора. Она, безусловно, станет настольной книгой каждого специалиста по историческому синтаксису литовского и других индоевропейских языков.

Ю. Откупщиков

Palionis, J. *Lietuvių literatūrinės kalbos istorija*. — V.: Mokslas, 1979. — 320 p.

Lietuvių literatūrinės kalbos istorija yra viena jauniausių lituanistikos šakų. Iš lietuvių kalbos istorijos ji išsiskyrė tik pokario metais, Tarybų Lietuvos aukštosiose mokyklose pradėta dėstyti tik 1951 m. Šiandien visuotinai pripažįstama, kad lietuvių literatūrinės kalbos istorija turi savo tyrimo objektą, kategorijas ir metodus. Kasmet iškeliami ir tyrinėjami literatūrinės kalbos istorijos faktai plečia ir gilina lietuvių literatūrinės kalbos raidos „mechanizmo“ dėsningumą vaizdą. Bendrame lituanistikos laimėjimų fone literatūrinės kalbos istorija turi jau gausių ir įvairių mokslinio tyrimo rezultatų.

Vienas žymiausių lietuvių literatūrinės kalbos istorijos specialistų, produktyviausių jos tyrinėtojų yra J. Palionis, daugelio mokslinių straipsnių ir publikacijų, monografijos „Lietuvių literatūrinė kalba XVI—XVII a.“ (V., 1967), „Lietuvių literatūrinės kalbos istorijos įvado“ (V., 1964; II leid. 1976) autorius, J. Jablonskio „Rinktinių raštų“ dvitomio (V., 1957—1959) parengėjas. Recenzuojamame vadovyje „Lietuvių literatūrinės kalbos istorija“ J. Palionis pateikia savo literatūrinės kalbos istorijos kurso, jau daugiau kaip trisdešimt metų dėstomo Vilniaus universiteto lietuvių kalbos ir literatūros specialybės studentams, mokslinį ir pedagoginį patyrimą. Pratarmėje pažymėjęs, kad senojo laikotarpio lietuvių literatūrinės kalbos raidai nušviesti panaudojo minėtą monografiją apie XVI—XVII a. raštų kalbą, vėlesnėms jos problemoms aiškinti — daugelį kitų autorių kalbinių ir filologinių darbų, vadovėlio autorius teisingai rašo, kad lietuvių literatūrinės kalbos dėsningumai dar nepakankamai ištyrinėti: trūksta dalies literatūrinės kalbos paminklų monografinių studijų, atskirų periodų apibendrinamųjų darbų. Tačiau, kaip neretai esti, mokymo poreikis sunku suderinti sinchroniškai su tyrimo rezultatais. Čia ne visuomet pasiekiamo reikiamo eiliškumo: pirma tyrimai, paskui — jų apibendrinimas. Priešingai, dėstymo poreikiai užbėga už akių ir verčia ieškoti